

УДК 94(47).04

**ОСОБЕННОСТИ РАЙОНИРОВАНИЯ УЕЗДОВ ЮЖНОГО
СРЕДНЕВОЛЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.**

© 2022 Э.Л. Дубман

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 01.09.2022

В статье рассмотрены особенности районирования уездов Южного Средневожья в середине XVII – начале XVIII в. Источниковую базу для изучения темы составили документы из центральных архивов и опубликованные материалы. На примере одного из крупнейших пограничных уездов – Симбирского – показана специфика складывания внутренней военизированной административно-территориальной системы районирования и управления.

Ключевые слова: Южное Средневожье, Симбирский уезд, пригороды, оборонительные черты, административно-территориальная система.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-5-15

При изучении начального этапа российской колонизации Южного Средневожья историкам постоянно приходится сталкиваться с недостаточной сохранностью и слабой репрезентативностью источниковой базы. Архив и делопроизводство приказа Казанского Дворца, управлявшего всем европейским Юго-Востоком страны (а значительное время и Сибирью), практически не уцелели¹. Документы начала XVIII в. свидетельствуют, что: «...ведомости и чертежи в вышеписанной пожар в приказе Казанского Дворца згорели...»².

И все же к настоящему времени удалось выявить совокупность источников, позволяющих в некоторой степени компенсировать возникающие проблемы. К ним относятся: межведомственная переписка, отписки, копии различных дел и т.д. в фондах Поместного, Разрядного, Монастырского и других приказов, хранящихся в центральных архивах России (Российский государственный архив древних актов (Далее - РГАДА). Вклю-

чение их в научный оборот позволяет более углубленно рассмотреть ряд ранее слабоизученных тем.

Рассматриваемый регион в конце XVI – начале XVIII в. входил в пространство фронта, занимавшего южную и юго-восточную лесостепь европейской части России. Его заселение и хозяйственное освоение стало возможным только благодаря активной деятельности государства, направленной на формирование в пограничье с Полем (историки нередко используют для обозначения этого пространства термин «Дикое Поле») совокупности «городов» - крепостей, острогов и протяженных оборонительных черт с гарнизонами служилых людей. Через несколько десятилетий защищаемое ими пространство заселялось, площадь свободных для развития сельского хозяйства угодий резко сокращалась и излишнее население начинало уходить за границу укреплений, осваивая новые «порозжие» земли. Для их защиты далее к югу возводилась очередная, как правило, непрерывная система оборонительных сооружений – черт. Тем самым обеспечивалось последовательное включе-

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории. E-mail: dubmane@mail.ru

ние в состав Московского государства новых территорий и их интенсивное социально-экономическое развитие.

Интерес историков к колониационным процессам, в которых важнейшую роль играла военно-государственная составляющая, является традиционным для отечественной исторической науки. В последнее время он получил особое развитие; значительно выросло количество исследований, посвященных данной проблематике³. Отметим, что указанная выше «военно-государственная составляющая» обеспечивала не только безопасность оседлого расселения на ранее пустынных землях, но и способствовала формированию специфического административно-территориального районирования новых регионов; а также существенно влияла на их хозяйственное развитие. Квинтэссенцию этого процесса наиболее ярко отразил Л.В. Милов, утверждавший, что в условиях нашей страны особое место занимала «... необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». В XVI - XVII вв. это строительство пограничных крепостей-городов, строительство циклопических сооружений в виде засечных полос, строительство крупных металлургических производств для выпуска оружия и средств сооружения тех же засечных полос...»⁴.

Это положение, выдвинутое известным историком, подтверждается особенностями колониационных процессов, характерных для эпохи формирования территории Московского государства. Наиболее очевидно, на наш взгляд, они проявились во второй трети - середине XVII в., когда была возведена непрерывная система оборонительных сооружений от границ с Речью Посполитой до Волги и далее в Заволжье до среднего течения Камы. Нередко в исторической литературе ее называют Белгородско - Симбирской чертой, тем самым подчеркивая значимость этих двух крепостей - городов. Укрепления данной, гигантской по протяженности черты, послужили ос-

новой для формирования совокупности новых уездов и складывания постоянного земледельческого населения по всей лесостепной окраине европейского Юга и Юго-Востока. Процессы, происходившие в пространстве пограничных уездов, имели свою специфику и первоначально существенно отличались от повседневных реалий старого, давно заселенного, центра.

Исследование возникновения и особенностей развития уездной системы Московского государства имеет давнюю историю. Краткий историографический обзор этой проблемы приводит Я.Е. Водарский⁵. Для нас среди работ по данной тематике особый интерес представляет монография Ю.В. Готье, в которой историк специально рассматривает поуездное «областное деление» Замосковского края в XVII в. и признает всю сложность и разнообразие его формирования⁶. Позднее В.М. Важинский, изучая процесс формирования уездов в южном пограничье по Белгородской и Севской чертам, приходит к аналогичному заключению. Он пишет, что «...слово “уезд” в XVII в. еще не получило строгого смыслового значения. Под уездом подразумевали любую сельскую округу, тянувшуюся к крупному населенному пункту. Бывало, что и село с деревнями именовалось уездом»⁷. Уже в начале нашего столетия итоги состояния изученности этой проблемы подводит И.В. Пугач и приходит к выводу, что процесс складывания и развития поуездного деления Московского государства весьма слабо исследован⁸. По нашему мнению, это прежде всего касается интенсивно колонизируемого пограничья европейской лесостепи, имевшего особое значение для развития российских государственности и общества во второй половине XVI-XVII в.

В предлагаемой статье сделана попытка рассмотреть один из важных аспектов в эволюции новых пограничных уездов, а именно выявить особенности внутреннего районирования и управления, складывающиеся в их пространстве.

Данное явление будет рассмотрено на примере Симбирского уезда (в середине -

второй половине XVII в. бытовало название Симбирский (от именованья «уездобразующей» Симбирской черты и ее главного города-крепости Симбирска). Еще одна черта, защищавшая западные земли уезда – Корсунская с крепостью - городом Корсун, также именовалась тогда иначе – Карсунская - Карсун. Симбирский уезд начинает складываться на рубеже 1640-х – 1650-х гг. Административно-территориальные изменения в его пространстве отражали отмеченный выше «пошаговый» процесс колонизации свободных земель в Среднем Поволжье в конце XVI – XVII в. На севере он граничил с Казанским, Свияжским и Алатырским уездами, по линии расположения, основанной еще в конце XVI в., совокупности засек и локальных укреплений от Тетюшей на Волге к Алатырю⁹. Основу уезда и его начальную южную границу в конце 1640-х - 1660-х гг. составили протянувшиеся от Суры до Волги крепости и остроги с военными гарнизонами Корсунской и Симбирской черт, а в Заволжье - западный участок Закамской черты. Под их защитой и происходило сельское расселение в пространстве уезда. К концу 1660-х гг. площади свободных для аграрного производства угодий здесь резко сокращаются. Поток переселенцев начинает уходить за «вал», на более южные черноземы волго-сурского междуречья. Для обеспечения безопасности нового земледельческого района в середине 1680-х гг. был подготовлен проект строительства между Волгой и Сурой Сызранской черты, но его так и не удалось осуществить¹⁰. Отчасти оборонительные сооружения этого проекта заместили укрепления Сызрани (1683 г.) и Кашпира (1687 г.), а также совокупность слобод, заселенных служилыми людьми¹¹.

Очевидно, что в данном конкретном случае каждое значительное продвижение на юг, в плодородные земли лесостепи сопровождалось возведением новых оборонительных сооружений и переселением на них служилых людей: стрельцов, казаков, мелкопоместного дворянства, а позднее и солдат. Все эти колонизационные процессы

оказывали существенное влияние на формирование системы внутреннего уездного деления и управления вновь осваиваемыми территориями.

Помимо того, правительственная администрация неоднократно вносила свои коррективы в сложившуюся в середине XVII в. систему уездов области Понизовых городов. До середины 1660-х гг. западный участок Закамской черты с Белым Яром и Ерыклинском состоял в ведении воевод Казанского уезда, и только в 1667 г. его присоединили к Симбирскому¹². Аналогичная ситуация в это же время возникла и на западных границах Симбирского уезда, когда в него вошли оборонительные сооружения Корсунской черты и сложившаяся под их защитой сеть сельских поселений, которые ранее относились к Саранскому уезду¹³. И это далеко не полный перечень приписывания новых, уже заселенных территорий, к Симбирску.

Сам термин «Симбирский уезд» в источниках того времени нередко замещали названием «город Симбирск с чертой». Эти и другие близкие к ним термины использовались в именовании документов, хранившихся в местной приказной избе и указанных в «Росписном списке» Симбирска 1670 г.¹⁴ Характерно и то, что первоначально в Москве считали, что Симбирская и Корсунская черты возводятся на территории Казанского уезда. Об этом свидетельствует фраза из текста царского указа 1686 г. «...преж сего строена старая Симбирская и Корсунская черта Казанского уезду»¹⁵.

Такая путаница в терминологии отнюдь не отрицает того, что название «Симбирский уезд» возникло и применялось уже при возведении укреплений Симбирской черты. Его, например, использовали составители несохранившейся писцовой книги 1650/1651 г.¹⁶ Но оно первое время относилось лишь к территории междуречья Волги и Барыша, где была возведена только Симбирская черта. Частично сохранившиеся стрелецкие книги 1649-1650 и 1653-54 гг. свидетельствуют, что администрация Сим-

бирска распределяла земли только в пределах защищенной ее укреплениями территории¹⁷. Эти книги, а также дополняющие их акты и делопроизводственные материалы отражали начальный этап хозяйственного освоения территории нового уезда, в котором основными его акторами являлись служилые люди по прибору (в основном русские) и отечеству.

Источники второй половины XVII в. свидетельствуют об интенсивном территориальном и экономическом развитии Симбирского уезда. Уже к середине 1660-х гг. он становится вторым по экономической значимости в Среднем Поволжье после Казанского. Уникальное описание роли Симбирска с округой среди других уездов Среднего Поволжья, перспектив его дальнейшего экономического развития дает в это время воевода И.И. Дашков. Характерно, что князь рассматривает Симбирск не в рамках юридически подвластной ему территории, а как центр более крупного средневожского региона, объединяющего несколько уездов¹⁸. При этом Симбирский уезд, также как Казанский и Саранский, по количеству служилых людей в гарнизонах резко выделялся не только среди других пограничных уездов Юго-Востока, но и всей европейской России (на 1662-1665 гг. в Симбирском - 4944 чел., Казанском - 4435, Саранском - 3479)¹⁹. Длительное время именно служилые люди и члены их семей составляли значительное, если не основное, население нового уезда.

Все эти обстоятельства обусловили формирование особой, военизированной специфики административно-территориальной системы его управления. «Структурирование» внутриуездного пространства невозможно рассматривать вне совокупности крепостей (городов), пригородов и острогов, существовавших в нем. О таких военизированных поселениях, входивших в состав Симбирского уезда, свидетельствуют самые различные источники. Так, например, когда осенью 1670 г. в Симбирск назначили очередным воеводой М.Л. Плещеева, ему указали ведать следующими военизи-

рованными пунктами: «...по Синбирской черте пригороды Юшанск, Тагаев, Уренск, и город Корсун и Корсунскую черту и остроги Малой Корсунов и Сокольской да Тальской остроги, город Аргаши и Сурской острог, Белый Яр, Ярыклинск, и от Белого Яру всякие засечные крепости»²⁰.

Очевидно, что подобные сведения, приведенные в различных документах, нуждаются в постоянном уточнении, сопоставлении друг с другом. Нередко их составители острог называли «городом» или пригородом и наоборот. В связи с этим обстоятельством приведем уточняющие данные по указанным военизированным поселениям. На Корсунской черте из шести основных укрепленных пунктов «городами» называли только Корсун и Аргаши, все остальные считались острогами²¹. Более мощными выглядят оборонительные сооружения Симбирской черты, продолжившей Корсунскую от р. Барыш к Волге. Возведенная в 1648-1654 гг., она состояла из города Симбирска, а также Юшанского, Тагайского и Уренского острогов (в источниках второй половины XVII в. эти остроги нередко определяют пригородами и даже городами)²². Из вошедшей в состав Симбирского уезда западной части Закамской линии Белый Яр сами строители называли городом (основу его укреплений составлял тарасный вал с возвышающимся над ним острогом) и Ерыклинский острог²³. И, наконец, в южной части уезда в 1683 г. была возведена Сызрань (в донесении ее основателя симбирского воеводы Г.А. Козловского говорилось: «Сызран город со всякими городовыми с каменными и з деревянными и з земляными крепостям зделан вновь...»²⁴) и в 1687 г. Кашпир (в документах того времени его называли «город», «городок» и т.д.)²⁵.

При решении задач, поставленных в данной работе, вряд ли имеет смысл рассматривать каждое из указанных военизированных поселений как отдельное типовое укрепление с определенными оборонительными функциями. Удобнее всего для их обозначения использовать понятие «при-

города». Уже Ю.В. Готье называл таковые в качестве местных административных центров при рассмотрении уездного районирования в Замосковном крае²⁶. По мнению В.Н. Глазьева, этот термин на южных территориях Московского государства входит в широкий обиход с середины XVII в., когда в пограничье страны начинают делить административные центры на «города» и «пригороды». В отличие от уездных городов, возглавляемых воеводами из центра, администрация пригородов по-иному формировалась и управляла сравнительно локальными, внутриуездными территориями. Как считает историк, во главе пригородов ставились, как правило, лица более низкого ранга, чем воеводы городов. Как считает Глазьев, «Их называли или приказные люди, или головы»²⁷.

В пограничном Симбирском уезде термин «пригороды» используется как основной в приходо-расходной книге Симбирской приказной избы 1665-1667 гг., а также в других документах административно-хозяйственного делопроизводства второй половины XVII в.²⁸ Очевидно, на рубеже XVII - XVIII вв. он приобретает статус официального. Окончательно система деления военно-административных пунктов на города и пригороды была оформлена в именном указе «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» 1708 г. По Казанской губернии в нем к Казани (как административному центру Казанского уезда) было приписано 13 пригородов; к Симбирску - 10 (все они являлись указанными выше укрепленными пунктами Симбирской, Корсунской и Симбирской части Закамской черты). Из 37 (с приписанной Пензой) городов губернии пригороды имели только 5 - Казань, Астрахань, Симбирск, Уфа и Пенза²⁹. При этом, неясно почему, среди пригородов Симбирска не указана Сызрань. Удивительно и то, что находившийся по соседству с ней Кашпир оказался даже не среди пригородов, а в группе городов Казанской губернии.

Обозначенные выше во врученном воеводе Плещееву списке пригороды можно

считать военно-административными центрами, формирующими внутреннее пространство уездов. Речь идет не только о том, что под их защитой складывалась сеть сельских поселений с тяглым населением нового уезда. В сельском расселении принимали активное участие и сами служилые люди по прибору, являвшиеся основной составляющей гарнизонов пригородов укрепленных черт. В отечественной историографии таких служилых приборных людей традиционно именуют «городовыми» (в основном этот термин исследователи относили к различным категориям служилого казачества). Подразделения служилых людей - сотни и полусотни - распределяли по оборонительным чертам и вместе с семьями селили отдельными слободами при укрепленных пунктах, по которым они несли службу. Но в окрестностях последних удобных земель зачастую не хватало. Выделенные пашни и угодья находились на значительном удалении, добираться до них было затруднительно. Это обстоятельство вызывало подачу коллективных челобитных с просьбами разрешить поселиться рядом с сельскохозяйственными угодьями³⁰. Как правило, такие просьбы удовлетворялись. Картирование расположения по территории уезда слобод, приписанных к одному пригороду, показывает, что нередко их совокупность занимала весьма значительное пространство³¹. В результате под началом администрации конкретного пригорода формировались обширные территории, где оказались расселенными подведомственные местным воеводам и головам приборные люди. Их следовало защищать и охранять с помощью указанных служилых людей, проводить сборы, мобилизационные мероприятия и т.д. Несомненно, что называть этих поселенцев «городовыми» вряд ли будет правильно. Скорее всего, их следует относить к сельскому населению, на что указывают и сохранившиеся источники. Например, в писцовых книгах по Корсунской черте 1685 - 1686 гг. такие селения именовались - «деревня Труслейская слобода», «деревня

Маисская слобода», и т.д. Если в подобном селении возводили храм, то менялось не только название (по именованию храма), но и его статус, например «село Козьмодемьянская слобода» и т.д.³² При этом термины «деревня» или «село» указывают только на различные типы сельских поселений, жителями которых являлись тяглые люди, занимающиеся сельским хозяйством; а «слобода» - на то, что в нем были поселены, как правило, служилые люди. Такое сельское расселение приборных людей и сближение их по роду занятий и отчасти по образу повседневной жизни с крестьянством является специфическим феноменом государственной-военной колонизации европейского Юго-Востока страны³³.

Тем самым при каждом пригороде Симбирского уезда, имевшем военный гарнизон, складывалась своя сельская округа, состоящая из слобод служилых людей и в некоторой степени деревень помещичьих крестьян и ясачного населения.

Можно сделать вывод, что в постоянно расширяющемся пространстве Симбирского уезда во второй половине XVII в. формировалась определенная административно-территориальная структура, где основными «структурирующими» каркасными элементами как раз и выступали пригороды во главе с уездным городом Симбирском. Как пример такого военизированного «структурирования» и использования его для решения определенных задач можно привести выделение местным воеводой - стольником П.М. Бестужевым-Рюминым на территории уезда 23 административно-территориальных округов при проведении переписи «оброчных статей» в начале XVIII в. В большинстве из них (14) сбор сказок и осмотр угодий проводили власти отдельных пригородов уезда, в том числе и сам Бестужев-Рюмин. Характерно и то, что помимо указанных пригородов и Симбирска в переписи «оброчных статей» отмечен еще Потешский, который располагался на территории Саранского уезда³⁴. Какими причинами это обусловлено, неясно.

Подчеркнем, что во всех обозначенных пригородах Симбирского уезда, в том числе и таких значимых, как Корсун и Сызрань, в гарнизонах отсутствовали служилые люди по отечеству. Значительный по численности «служилый город» из дворян и детей боярских имел только Симбирск.

И еще одну особенность уездных пригородов следует отметить. В большинстве из них не сложились посадские общины. Исключение составили только Тагай, Сызрань и Кашпир. Но и в них, кроме Сызрани, количество посадских людей и бобылей было невелико³⁵. Так, в Тагае по данным переписи 1678 г. насчитывалось 5 посадских дворов и 7 бобыльских³⁶.

Возглавлял каждый пригород с округой воевода или гораздо реже голова (например, в Ерыклинском и Сурском острогах, а также, возможно, и в других). При каждом из воевод (видимо, и голов) действовала съезжая (приказная) изба с подьячими и складывался свой штат должностных лиц. Уникальным документом, очерчивающим обязанности и права такого местного управленца, является наказ поставленному в 1691 г. воеводой в Малый Корсунов и острог Сокольский Ф.Д. Кольцову (характерно, что здесь 2 пригорода были объединены под руководством одного воеводы). Характерно, что заменил он на этой должности «синбиренина» Т. Пилюгина, то есть назначали на такие должности (воевод и голов) местных (или из соседних уездов, но, как правило, не из столицы) служилых людей по отечеству. Однако сам наказ утверждался в Москве и воевода посылался на службу по государеву указу. В наказе достаточно полно были определены прежде всего основные военные обязанности местного главы администрации и его ответственность перед уездным сибирским воеводой. Прежде всего он должен был руководить всеми вооруженными силами, находившимися в его распоряжении, «...жить с великим береженьем...» и о засеке и о засечных заповедных лесах» постоянно заботиться³⁷. В наказе особый упор был сделан на военных обязанностях воеводы, его от-

ветственности за укрепления, состояние засечной черты и сохранность «заповедных лесов». Администрация пригородов и их земледельческой округи во всех своих делах была подчинена уездным властям.

Сведений об учреждениях местной системы управления, прежде всего о съезжих (приказных) избах, сохранилось немного; но, видимо, они постепенно складываются едва ли не в каждом пригороде. Например, в приходе-расходной книге Симбирской приказной избы за 1665-67 гг. такое учреждение отмечено только в Уренске³⁸. Но позднее в окладных расходных росписях денежного и хлебного жалованья 1681 г. приказные избы были указаны в 3-х по Симбирской черте (в Симбирске, «Тагаеве», «Уренске», по Юшанску сведения отсутствуют) и 5 по Карсунской (в «Корсуне» (5 подьячих), «Малом Корсунове» (2 подьячих), Аргаше, Тальском и Сурском острогах³⁹). За исключением Корсуна и «Малого Корсунова», в других пригородах, которые указаны в росписи, указано по 1 подьячему. Почему-то в роспись не попали данные по Белому Яру (хотя о жаловании по другим категориям жителей в этом пригороде сведения приведены) и Ерыклинску (где указана таможня и кабак)⁴⁰. О роли и значимости Сызрани на рубеже XVII–XVIII вв. свидетельствуют данные переписи 1702 г., по которым при местном воеводе И.Т. Сукнакове (вар. Сукманове) было указано 9 приказных и 14 площадных подьячих. В соседнем Кашпире численность подьячих была значительно меньшей (при воеводе Ф.А. Сабанине соответственно 2 и 1)⁴¹. Таким образом, в уезде складывалась целостная система съезжих (приказных) изб, подчиненных главной, приказной, находившейся в Симбирске. Несколько странными в этом отношении выглядят количественные данные о приказных избах, приведенные в работе Н.Ф. Демидовой. По Симбирской и Сызранской чертам историк указывает на 1656 г. – 8, 1664 г. – 9, 1677 и 1682 гг. – по 10 и 1698 г. – 11 приказных изб. Но дело в том, что Сызранская черта так и не была построена, а на Симбирской, кроме уездного города Симбирска, числилось

всего 3 пригорода. Данные по Корсунской черте выглядят более правдоподобно, хотя в 1656 и 1664 гг. она входила в состав Саранского уезда и не могла быть указана в Симбирском. На ней, насчитывающей 6 пригородов, по тем же годам соответственно указано 5, 6, 6, 6 и 7 приказных изб⁴².

Еще одна сводная таблица в монографии Н.Ф. Демидовой по 1690-м гг. свидетельствует, что по 11 приказным избам Симбирской черты (автор здесь указывает и Сызранскую черту, которая не была построена, но, возможно, в свои подсчеты Демидова внесла данные по Сызрани и Кашпиру), из которых сведения имелись только по 4, числился 31 подьячий. По ее же данным, на этот период по 7 (4) «избам» Корсунской черты состояло 12 подьячих. Для пограничного Симбирского уезда (при отмеченной неполноте данных) это было весьма значительное количество. Так, по Саранской черте в документах были указаны только 11 подьячих⁴³.

Неясно, как администрация уезда трактовала деление Симбирского уезда на такие административно – территориальные единицы, как пригороды с подвластной им сельской округой. Несомненно, что они существенно отличались от станом и волостей. Характерными особенностями таких пригородов являлись «военизированность» их руководства и наличие на территории, прикреплённой к ним, совокупности слобод со значительным по численности служилым населением. Очевидно и то, что для более обоснованной идентификации подобных образований явно не хватает информативных источников.

Исследователи, занимавшиеся южным порубежьем Московского государства, отмечают, что между администрацией городов и пригородов могли возникать конфликтные ситуации, своеобразная борьба за первенство и преобладание в пространстве конкретного уезда⁴⁴. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют рассматривать эту тему на примере средневожских городов и пригородов.

В рамках изучения военизированного административно-территориального формирования российского пограничья интерес также представляет появление и последующее развитие так называемых «внутренних уездов». В делопроизводстве середины - второй половины XVII в. сохранилось значительное количество упоминаний о них. Вместе с тем «внутренние уезды» практически не отмечены в административно-территориальной уездной системе Московского государства. Крайне редко они встречаются в писцовых, переписных, дзорных и прочих книгах.

Их возникновение, очевидно, было обусловлено тем, что правительство стремилось найти наиболее приемлемые механизмы для формирования систем управления и защиты опасного пограничья. Поэтому, наряду с воеводской системой административного центра уезда, в отдельных особо значимых в военном и экономическом отношении пригородах могла создаваться локальная, занимающая значительную часть его пространства управленческая структура под руководством местного воеводы. Так, Д.А. Мустафина и И.П. Ермолаев при изучении писцовой книги Казанского уезда 1647-1656 гг. отмечают наличие в нем таких особых административно-территориальных образований, как «внутренние» уезды - Лаишевский, Сарапульский, Тетюшский⁴⁵. Тетюши с округой, как «внутренний уезд» Казанского, специально рассматривает в своем диссертационном исследовании и ряде статей Е.В. Пашина⁴⁶.

Позднее, уже в XVIII в., на месте таких «внутренних» возникали одноименные официальные уезды внутри уже иной, губернской территориально-административной системы управления.

В Симбирском уезде «внутренними» можно назвать два таких образования. Первое из них на основе оборонительных сооружений Корсунской черты сложилось в междуречье Барыша и Суры вокруг Корсуна. Второе появилось позднее - в 80-х - 90-х гг. XVII в. на самом юге уездной территории

вокруг Сызрани. Тема «внутренних уездов» в Южном Средневожье специально рассматривалась нами в ряде работ, и поэтому лишь кратко остановимся на данном вопросе⁴⁷.

Особое место в составе Симбирского уезда занимал «внутренний» Корсунский. В сохранившихся источниках Корсунская черта и населенные пункты по ней зачастую рассматривались обособленно, в определенной степени автономно. Этому в значительной степени способствовало и начальное пребывание данной территории в составе Саранского уезда. Судить о Корсунском «внутреннем уезде» как о внутренней самостоятельной единице можно только с середины 1660-х гг., после того как его по царскому указу записали в состав Симбирского. Характерно, что в 1678 г. при составлении переписных книг Симбирского уезда в него были включены и описаны только селения, располагавшиеся в междуречье Волги и Барыша, но совершенно не указаны земли, прилегающие к Корсунской черте. Отметим, что в переписи отсутствуют сведения о районировании всей переписываемой территории⁴⁸.

Наиболее полные и систематизированные сведения о Корсунском «внутреннем уезде» как действительно существующем приведены в «писцовой книге» Корсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг. И. Вельяминова и А. Андреева⁴⁹. В ней было произведено описание значительной, но далеко не всей территории, примыкающей к Корсунской черте. Эти территории между рр. Барыш и Сура осваивались гораздо медленнее соседних с ней земель Саранского и Симбирского уездов. По данным писцовой книги, здесь сложилось в основном военизированное население: совокупность стрелецких (1) и казачьих (6) слобод; деревень служилых татар, чувашей и мордвы (14); сел и слобод солдат выборного полка А.А. Шепелева (7)⁵⁰. Вся попавшая в писцовую книгу территория делилась на город Корсун (в книге Карсун) и станы с сельским населением. В пределах станов выделялись приходы с селами (с церквями или мече-

тями) и деревнями. Не вызывает сомнений тот факт, что местная администрация во главе с воеводой подчинялась симбирским воеводам. К данному выводу приходит автор предисловия Ю.Н. Мельников, готовивший рукопись к изданию⁵¹. Характерно и то, что в сохранившейся и опубликованной части писцовой книги отсутствуют данные о пригородах на черте и прилегающих к ним селениях.

Территорию в окрестностях Сызрани и Кашпира в конце XVII в. также традиционно считали «Сызранским уездом», в качестве «внутреннего» Симбирского⁵². В его состав в начале XVIII в. входило 15 населенных пунктов: 2 пригорода - Сызрань и Кашпир; село и сельцо, принадлежавшие столичной знати; 4 помещичьих села, 2 казачьи слободы, 3 деревни служилых татар и мурз и по 1 - ясачных чувашей и ясачных крестьян⁵³.

Столь сложную систему внутреннего районирования Симбирского уезда можно объяснить его пограничным расположением в зоне фронта и тем, что он сравнительно недавно начал складываться из разных территорий в единое целое. Несомненно, что необходимо дополнительное изучение процессов колонизации новых земель.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII в.: (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 3; Дубман Э.Л. Источниковедческие аспекты изучения миграционных и демографических процессов на территории Южного Средневожья в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 124–125.

² Российский государственный архив древних актов (Далее - РГАДА). Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 5–5об.; Крепости городов Поволжья и Приуралья в конце XVII – начале XVIII века / отв. ред. В.Д. Кочетков; сост. В.Д. Кочетков, М.В. Хацкевич, А.А. Чибис. Чебоксары: Новое Время, 2022. С. 19.

³ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. 190 с.; Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 196 с.; Папков А.И., Петрухинцев Н.Н., Хитров Д.А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск: Медиарост, 2020. 264 с.; Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI-XVIII вв. / К.И. Могилевский и др. М.: Кучково поле, 2022. 388 с.

⁴ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 561.

⁵ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. С.138-142.

⁶ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экон. быта Моск. Руси. 2-е просм. изд. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 93-112.

⁷ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж: Воронеж. пед. ин-т, 1974. С. 61.

⁸ Пугач И.В. Устюжно-Железопольский уезд в XVI - первой половине XVII века // Устюжна. Краеведческий альманах. Вологда. 2004. № 4. <https://www.booksite.ru/fulltext/4us/tuz/hna/1.htm> (дата обращения 21.08.2022).

⁹ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 255; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. С. 14-17.

¹⁰ Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. №3 (2), 2011. С. 326-332.

¹¹ Дубман Э.Л. Проблема Сызранской черты и начальный этап колонизации волгосурского междуречья (1680-е гг. - начало XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 161-171.

¹² Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы) 1665-1667 гг. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1896. С. 10-12, 125-126, 144.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Гуркин В.А. Симбирская черта: (Материалы XVII-XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья. М.; Ульяновск, 2000. С. 67, 79, 97-99, 107.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 489.

- ¹⁶ Гуркин В.А. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁷ Книга строельная города Синбирска / Симбирская Губернская Ученая Архивная Комиссия; ред. П. Мартынов. Симбирск: Губ. тип., 1897. 112 с.
- ¹⁸ Гурлянд И.Я. Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1902. С. 353-356; Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России: специфика экономического развития в конце XVI - VII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы к международной научной конференции. Москва, 2019. С. 28-29.
- ¹⁹ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 106-108.
- ²⁰ Гуркин В.А. Указ. соч. С. 36-37.
- ²¹ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. С. 34-36.
- ²² Лебедев В.И. Указ. соч. С. 35-39.
- ²³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: (Очерки из истории колонизации края). Одесса: тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. С. 141-146; Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. Уфа: Китап, 2010. С. 180-182.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 647/4. Л. 3-8.
- ²⁵ Налетов А.Г. План города Кашпира конца XVII в. // Архитектурное наследство. 1972. Вып. 19. С. 93-95.
- ²⁶ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 107.
- ²⁷ Глазьев В.Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI-XVII веков // Вестник ВГУ. Серия: История. политология. социология. 2013. № 1. С. 27-28.
- ²⁸ Зерцалов А.Н. Указ. соч. С. 90, 109, 111, 121-123.
- ²⁹ Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 4. № 2218. С. 437.
- ³⁰ Перетяткович Г.И. Указ. соч. С. 78 - 79.
- ³¹ Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685 - 1686 гг. / сост. Ю.Н. Мельников, вступ. статья, коммент. Ю.Н. Мельникова. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2014. С. 454.
- ³² Там же. С. 24, 298, 342, 362, 433, 439.
- ³³ Дубман Э.Л. Земледельцы Южного Средневолжья в XVII столетии // Региональное измерение аграрной модернизации в России. Материалы VIII Всероссийской (XVI региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Отв. редактор Г.А. Куршева. Саранск: Изд.: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. С. 101-108.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.
- ³⁵ Дубман Э.Л. Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в. // Самарский земский сборник. 2011. № 1 (20). С. 54.
- ³⁶ Мартынов П.Л. Тагай: упраздненный город Симбирского уезда (историко-статистический очерк). Симбирск: Типо-лит. А.Т. Токарева, 1898. С. 5.
- ³⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. Т. 5. С. 358-360.
- ³⁸ Зерцалов А.Н. Указ. соч. С. 261.
- ³⁹ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования за 1861 г. (К истории гос. росписей XVII в.) / С предисл. А.Н. Зерцалова. М.: Унив. тип., 1893. С. 57- 60.
- ⁴⁰ Зерцалов А.Н. Указ. соч. С.11-12.
- ⁴¹ Дубман Э.Л. Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в. // Самарский земский сборник. 2011. № 1 (20). С. 53-54.
- ⁴² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. С. 31.
- ⁴³ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 35.
- ⁴⁴ Глазьев В.Н. Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI-XVII веков. С. 27-28; он же. «Город» и «пригород» как административные категории юга России XVII века // Страницы российской истории: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Н. Глазьев. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. С. 15-19.
- ⁴⁵ Мустафина Д.А., Ермолаев И.П. Писцовая книга Семёна Волынского как исторический источник // Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 годов: Публикация текста. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. С. 18.
- ⁴⁶ Пашина Е.В. Военно-административное и социально-экономическое развитие города-крепости Тетюши в последней трети XVI - первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Казань, 2018. 27 с.; она же. Институт воеводства в Тетюшах в последней трети XVI-XVII в.: численность, состав, управление // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 1. С. 23-34.
- ⁴⁷ Дубман Э.Л. «Внутренние уезды» юго-восточного фронта Московского государства в

XVII в. // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара: СГАКИ, 2014. С. 65-70; *он же*. «Корсунский уезд» во второй половине XVII - начале XVIII в.: население и особенности его расселения // Российская деревня в XVIII-XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов. Оренбург: Из-

дательский центр ОГАУ, 2014. С. 72-77.

⁴⁸ Описание городу Симбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск: Симб. губ. уч. арх. ком., 1902. 115, V с.

⁴⁹ Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг. 544 с.: ил.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 13.

⁵² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2145.

⁵³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.

FEATURES OF ZONING THE COUNTIES OF THE SOUTHERN MIDDLE VOLGA IN THE MID XVII - BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES

© 2022 E.L. Dubman

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev

The author discusses the peculiarities of zoning of counties of the Southern Middle Volga region in the middle of the 17th – early 18th centuries. The source base for studying the topic is represented by documents from the central archives and published materials. On the example of one of the largest border counties, Simbirsk, the author reveals the specifics of the formation of an internal militarized administrative-territorial system of zoning and management.

Keywords: Southern Middle Volga region, Simbirsk county, suburbs, defensive lines, administrative-territorial system.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-4-5-15